

М. А. Янес

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ АРАБЫ В ФОТОИЛЛЮСТРАТИВНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ И МАТЕРИАЛАХ АРХИВА МАЭ (КУНСТКАМЕРА) РАН

В фотоиллюстративном фонде МАЭ РАН выявлены четыре коллекции, в которых содержатся фотоматериалы, представляющие арабов Средней Азии. Три из них были собраны в кишлаке Джейнау (Республика Узбекистан), где до сегодняшнего дня проживают арабы, предки которых пришли в Мавераннахр в VII–XVI вв.

Первые изображения арабов Средней Азии имеются в знаменитом «Туркестанском альбоме», составленном по распоряжению туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана и содержащем фотографические изображения представителей оседлого и кочевого населения, их традиционных занятий и бытовых сцен. Альбом был передан в фонды музея в 1874 г. и зарегистрирован под коллекционным номером И-674 (более подробно о «Туркестанском альбоме» см.: [Прищепова 2006:174–225]). В разделе «Типы народностей Туркестанского края» под № 6 имеется портрет араба по имени Абубекр. На снимке изображен в полный рост мужчина в традиционной одежде. Мы даже можем рассмотреть его обувь (рис. 1).

Вместе с «Туркестанским альбомом» под тем же самым номером И-674 зарегистрирован еще один альбом — «Туркестан. Этюды с натуры В.В. Верещагина, изданные по поручению Туркестанского генерал-губернатора на высочайше дарованные средства. 26 листов с 106 рисунками. Санкт-Петербург. 1874». Альбом содержит фотографии с рисунков и картин художника В.В. Верещагина, и среди них под номерами 142, 143 и 144 также имеются три портрета арабов. Это поясные портреты мужчин в традиционных головных уборах.

Рис. 1. Араб Абубекр. «Туркестанский альбом», 1874 г. МАЭ. Колл. № И-674-6

В двух случаях мы видим два разных способа накручивания чалм. В третьем случае мужчина изображен в тибетейке. Все три головных убора нарисованы с фотографической точностью (рис. 2, 3, 4).

Рис. 2. Тип араба. Альбом «Туркестан. Этюды с натуры В.В. Верещагина», 1874 г. МАЭ. Колл. № И-674-142

Рис. 3. Тип араба. Альбом «Туркестан. Этюды с натуры В.В. Верещагина», 1874 г. МАЭ. Колл. № И-674-143

Рис. 4. Тип араба. Альбом «Туркестан. Этюды с натуры В.В. Верещагина», 1874 г. МАЭ. Колл. № И-674-144

Следующая коллекция с изображениями арабов Средней Азии поступила в музей в 1939 г. от И.Н. Винникова и была зарегистрирована Э.Г. Гафферберг под номером И-1071. Коллекция представляет собой два стеклянных негатива размером 9×12 см и два отпечатка с них. На первом отпечатке запечатлен мужчина в традиционной одежде (рис. 5), на втором — женщина в традиционной одежде, сидящая на земле и кормящая грудью ребенка (рис. 6).

Рис. 5. Араб в обычной одежде. И.Н. Винников. 1936 г. МАЭ. Колл. № И-1071-1

Рис. 6. Женщина, кормящая грудью ребенка. И.Н. Винников. 1936 г. МАЭ. Колл. № И-1071-2

Эти негативы, по-видимому, были сделаны И.Н. Винниковым во время экспедиции в Узбекистан в 1936 г. В Санкт-Петербургском филиале архива РАН в фонде И.Н. Винникова хранится целая коллекция фотографий, сделанная им во время этого экспедиционного выезда (СПФ АРАН. Ф. 1045. Оп. 2. Ед. хр. 57), и две из них отпечатаны именно с этих негативов.

Еще одна иллюстративная коллекция, содержащая фотографии среднеазиатских арабов, поступила в фонды Кунсткамеры от Кашкадарьинского отряда Среднеазиатской экспедиции ИЭ АН СССР в 1960 г. Руководила работой этого отряда К.Л. Задыхина. Один из этапов работы экспедиции проходил в кишлаке Джейнау Кашкадарьинской области Узбекистана. Поступившая в музей в результате работы отряда фотоиллюстративная коллекция была зарегистрирована под номером И-1918. Она содержит пленки и отпечатки с них размером 13×18 см. В коллекции 941 фотография, из которых 62 сделаны именно в Джейнау. Часть фотографий выполнена в цвете. На преобладающем числе снимков запечатлены местные жители кишлака разных возрастов в традиционных одеждах. Фотографии, как правило, выполнены в двух или трех ракурсах, что позволяет детально рассмотреть комплекты одежды. Одна из фотографий (колл. № И-1918-79) известна специалистам по публикации в томе «Народы Средней Азии и Казахстана» многотомного издания «Народы мира». Именно она иллюстрирует статью Б.Х. Кармышевой «Среднеазиатские арабы» [Кармышева 1963: 582–596]. На фотографии — молодая женщина (арабка по происхождению) в полном комплекте праздничной национальной одежды (рис. 7).

Головной убор женщины состоит из *гиззи*, *бухнука* и повязанных поверх них в виде чалмы с небольшими рожками двух платков — *румал*. На лбом на головном уборе закреплено серебряное украшение *синсила*. Из-под головного убора виден край налобного украшения *хатабак*. В носу молодухи два носовых украшения: серебряное носовое кольцо вставлено в носовую перегородку, а в правую ноздрю вдет золотая серьга *натти*. От нее к правому уху протянута цепочка с подвесками. Цепочка закреплена на головном уборе чуть выше уха специальным крючком.

Кроме фотографий местных жителей коллекция И-1918 содержит снимки отдельных предметов традиционной одежды, сделанные в различных ракурсах, несколько видов кишлака Джейнау и фотографии своеобразного процесса мойки овец в арыке. В.К. Розвадовским в Кашкадарьинской области эта процедура зафиксирована следующим образом: «Процесс мойки очень примитивен: загоняют овцу в воду, затем два чабана берут овцу за ноги и, перевернув ее, начинают полоскать. Когда шерсть обсохнет, овцу стригут» [Мошкова 1970: 236]. Именно такой процесс и был зафиксирован на фотопленку К.Л. Задыхиной в 1960 г. (рис. 8).

В том же 1960 г. и от того же Кашкадарьинского отряда поступила в фонды МАЭ РАН и иллюстративная коллекция И-1880. Она содержит рисунки, наброски, чертежи и трафареты художника К. Гушина, работавшего в составе отряда. Для нас представляют интерес четыре предмета этой коллекции. На карандашном рисунке (колл. № И-1880-40), выполненном в масштабе 1:20, дана схема ткацкого станка для тканья *араби-гилямов* с натянутой основой и пять схем, показывающих процесс тканья (рис. 9).

Также на нем представлены обмеры и названия частей ткацкого стана. Сделан рисунок в кишлаке Камаша Бешкентского района, где тоже живут

Рис. 7. Молодуха в свадебной и праздничной национальной одежде.
К.Л. Задыхина. 1960 г. МАЭ. Колл. № И-1918-79

Рис. 8. Мойка овцы в арке. К.Л. Задыхина. 1960 г. МАЭ. Колл. № И-1918-96

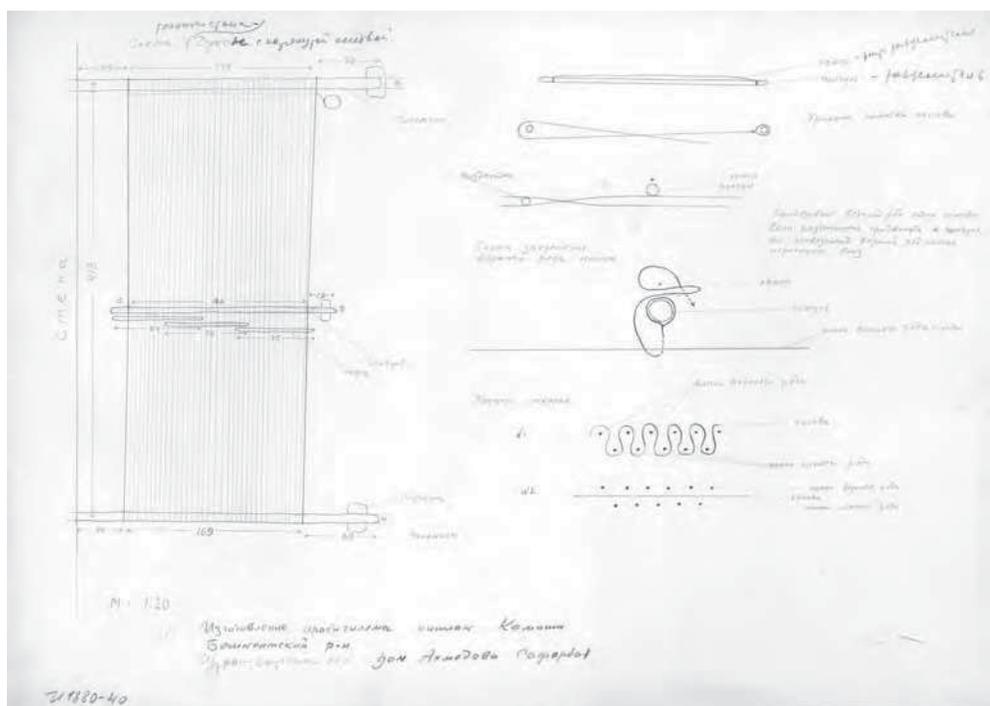

Рис. 9. Схема ткацкого стана *дудок* с натянутой основой и пять схем, показывающих процесс ткачества. Масштаб 1:10. К. Гущин. 1960 г. МАЭ. Колл. И-1880-40

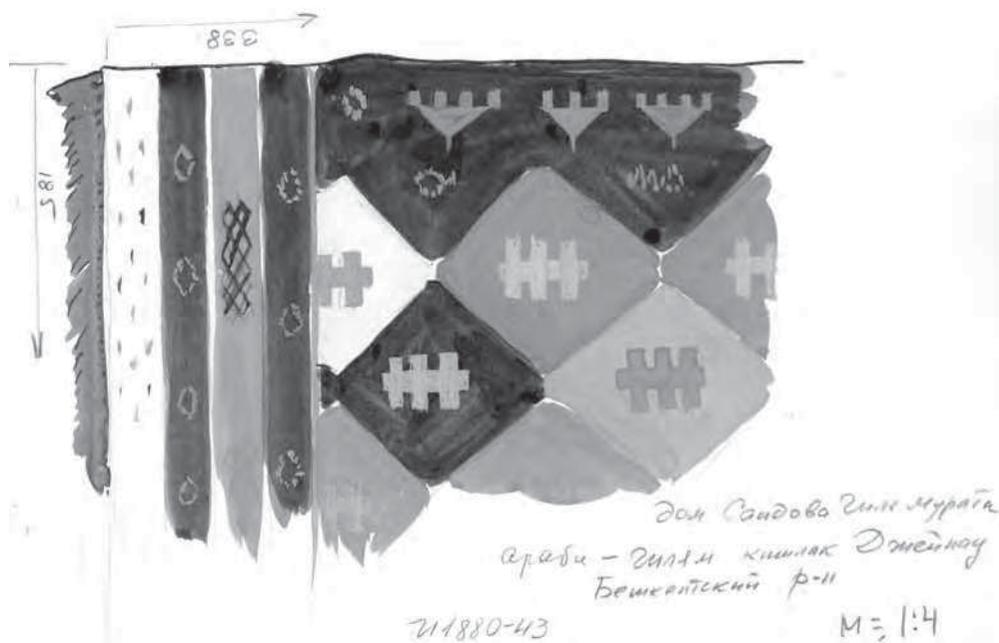

Рис. 10. Рисунок части ковра *араби-гилям*. Масштаб 1:4. К. Гущин. 1960 г.
МАЭ. Колл. № И-1880-43.

арабы. А вот рисунок под колл. № И-1880-43 сделан в Джейнау. На нем изображена часть ковра с геометрическим орнаментом (в масштабе 1:4). Этот рисунок сделан красками на листе ватмана (рис. 10).

Два последних рисунка из этой коллекции (колл. № И-1880-44, 45), также сделанные красками, представляют нам часть женского головного убора *бухнук*. На первом рисунке вид шапочки спереди, на втором — сзади. На рисунках даны обмеры предмета.

В архиве МАЭ РАН в процессе исследования также удалось разыскать определенное количество интереснейшей, еще не введенной в научный оборот информации о среднеазиатских арабах. Записи об арабах, проживающих на территории современного Узбекистана, выявлены в полевых материалах А.Н. Кондаурова, А.Л. Троицкой, К.Л. Задыхиной и Ф.Д. Люшкевич. В 2007 г. в архив МАЭ РАН были также сданы и полевые материалы автора. К сожалению, большая часть записей предшественников в данном случае имеет разрозненный и фрагментарный характер, так как до начала XXI в. специальные работы, посвященные исследованию именно среднеазиатских арабов, в МАЭ не проводились. Тем не менее имеющиеся материалы очень ценны и содержат уникальную информацию по культуре арабов Средней Азии.

Впервые среднеазиатские арабы упоминаются в полевых материалах А.Н. Кондаурова, принимавшего участие в Таджикской комплексной экспедиции 1932 г. Несмотря на то что основные его научные интересы были связаны с этнографией ираноязычных народов Памира, А.Н. Кондауров не пренебрегал записями бесед со встречавшимися ему на пути представителями

других национальностей и этнических групп. Один из дневников, содержащий наибольшее количество информации о среднеазиатских арабах, в настоящее время хранится в Санкт-Петербургском филиале архива РАН в фонде И.Н. Винникова. (Вероятно, в какой-то момент И.Н. Винников получил этот дневник в архиве МАЭ РАН для научной работы и по неизвестным нам причинам не вернул его обратно. После кончины И.Н. Винникова дневник оказался в Санкт-Петербургском филиале архива РАН вместе с комплектом личных рукописей ученого.) В полевых дневниках А.Н. Кондаурова, хранящихся в архиве МАЭ РАН, удалось выявить всего одну запись, касающуюся арабов Средней Азии. Это фрагмент его беседы с председателем колхоза «Курупуш» (кишлак Иштепе в 35 км от Куляба), считающим себя по происхождению арабом: «Про себя председатель рассказывает, что он занимается дехканским хозяйством и живет в кишлаке Иштепе Курбан-Шейдского дехканагата двенадцать лет, своего языка не знает, забыл свою историю и сейчас он уже больше считает себя каттаганцем, пришел сюда с семьей отца из Пархора (?), где раньше жило тридцать семей арабов. Дехканским хозяйством они не занимались. Помнит, что были большие стада, много лошадей, хозяйство было скотоводческое, все эти тридцать семей расселились по одиночке» (Архив МАЭ РАН. Ф. 9. Оп. 1. № 13. Л. 34).

В полевых дневниках А.Л. Троицкой, проводившей экспедиционные исследования в окрестностях Самарканда, Катта-Кургана, Касби, Карши и некоторых других населенных пунктах в 1936 г., содержатся уникальные записи о среднеазиатских арабах (Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 324). Несмотря на то что «часть арабов при опросах и анкетировании выдавала себя за узбеков» (Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 324. Л. 2), в результате бесед с ними А.Л. Троицкой удалось выявить довольно большое количество кишлаков, в которых проживают арабы, и выяснить названия арабских родов, населяющих исследуемые территории. Так, согласно ее записям, арабы, проживающие в кишлаке в Араб-Хона в районе Самарканда, принадлежат к родам Искандера, Кураш, араби сурхони, араби михлати. Они говорят по-таджикски. Женятся только на арабах, но при этом, со слов стариков, имеются и брачные запреты между родами (Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 324. Л. 2, 5). В Ихромовском районе (неподалеку от Араб-Хоны) живут племена Зангул, Искандера, Болшибой, Кураш. Говорят они по-узбекски (Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 324. Л. 5). «В Каттакурганском районе арабы живут в селении Ката Араб кишлак (он же Шурнуган), Кичик-араб кишлак, Янах, Хайбар (Хайвар), Полвон-тепа и Паргуза. Во всех селениях арабы говорят по-узбекски, за исключением жителей Паргуза, говорящих по-таджикски. Селения малочисленны, за исключением Палвон-тепа. В прежнее время арабов было значительно больше, владели они большими стадами каракулевых овец. В басмаческое время многие примкнули к басмачам, частью ушли в другие районы, теперь осталась незначительная часть, вошедшая в колхозы. Чисто арабских колхозов нет. Сами арабы считают выгодным выдавать себя за узбеков, хотя не отрицают, что они арабы при первом вопросе» (Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 324. Л. 6). Среди других районов, куда ушли арабы, в материалах А.Л. Троицкой упоминаются Карши и Афганистан (Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 234. Л. 11).

Записаны А.Л. Троицкой и пять неизвестных нам легенд-версий о приходе арабов в Мавераннахр:

1. Первые арабы пришли с Александром Македонским, в его войсках было 2000 арабов. Александр приказал им выстроить плотину на Искандер-куле (река называлась Кухак). Когда они ее сделали, он расселил их по берегам.

2. Во времена Мухаммеда был послан с арабами полководец Кусым бек Абас (Шохзинда). Во время чтения намаза на них напали враги, перебили много войска. Шохзинда срубили голову, но он остался жив, войско разбрелось и осталось в Средней Азии.

3. Тимурланг, завоевавший мир, вывез арабов из Аравии и поселил в Самарканде.

4. В подарок Ходже Ахрору (Убейдилло) был прислан отряд арабов Турцией, с командиром, в 40 человек.

5. Мири Араб, отправившись в хадж, вывез оттуда несколько семей (Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 324. Л. 3, 4).

Об одном из основных традиционных занятий — ковроделии — в полевых записях А.Л. Троицкой всего несколько слов, которые, тем не менее, очень важны для исследования ковроткачества и текстильного производства среднеазиатских арабов: «Арабы делают кошмы и сшивные паласы» (Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 325. Л. 9 об.). Это, наверное, первая информация о том, что арабы занимались войлоковалянием, так как традиционно считается, что они войлок не делали. Информация о войлоковалянии позже появится в неопубликованном словаре диалекта кашкадарьинских арабов, материалы для которого И.Н. Винников собирал во время экспедиций военных лет:

«Libbad — войлок, кошма; кошма из овечьей шерсти делается; осеннюю шерсть особыми палками бьют, шерстобитным луком пушат; из полого камыша или из тростника циновку делают, циновку в доме расстилают, на ней шерсть ровным слоем раскладывают, расстилают, разбрасывают; затем шерсть вместе с циновкой свертывают, веревкой посередине перевязывают, два или три человека в доме катают это, топчут ногами, около двух часов топчут; затем шерсть с циновки снимают, свертывают ее, горячей водой ее обрызгивают, три человека валяют ее, четыре-пять часов валяют ее руками, она плотной становится, кошма получается» (СПФ АРАН. Ф. 1045. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 575—576).

Во время экспедиционной поездки автора этих строк в Джейнау в 2007 г. на вопросы о войлоковалянии информанты единодушно отвечали, что войлок арабы никогда не делали, а те кошмы, которые можно увидеть на полах некоторых мечетей, сделаны узбеками или таджиками. Можно предположить, что воспринятое от окружающего иноэтничного населения ремесло в сложные для арабов времена служило определенным подспорьем в жизни некоторых семей, но достаточно быстро угасло.

Что же касается записи А.Л. Троицкой об изготовлении сшивных паласов, то она подтверждает то, что те широкие яркие арабские ковры (*бозор-гилямы*), центральное поле которых разделено на две или три части и которые в настоящее время широко производятся и используются как арабским, так и неарабским населением Кашкадарьи, до появления широконавойных ткацких станков изготавливались на обычных узконавойных станках и сшивались из двух или трех полос.

Отдельные материалы, собранные об арабах А.Л. Троицкой, были опубликованы ею в статье «Из отчета о командировке 1936 г. в национальные районы Среднеазиатских республик» [Троицкая 1937: 137—149].

Во время работы Среднеазиатской этнографической экспедиции АН СССР во второй половине XX в. было проведено сплошное этнографическое картирование среднеазиатских республик СССР и зафиксировано достаточно большое количество селений, в которых проживали представители арабской этнической группы. Поскольку в те годы одной из главных задач участников экспедиции было изучение этнического состава региона и описание традиций преобладающих групп населения, т.е. тюркоязычного и ираноязычного, в полевых материалах сотрудников Ленинградской части ИЭ РАН того времени Ф.Д. Люшкевич, К.Л. Задыхиной, Е.М. Пещеревой имеются лишь разрозненные сведения об арабах. Тем не менее эти данные представляют большой интерес с точки зрения изучения их культуры жизнеобеспечения.

Наибольшее внимание среднеазиатским арабом уделено К.Л. Задыхиной. Ей удалось выявить более 40 наименований кишлаков в Сурхандарьинской и Кашкадарьинской областях, в которых проживают арабы (см.: Архив МАЭ РАН. Ф. 26. Оп. 1. № 42), получить сведения о жилище и родовом составе. В качестве примера приведем запись одной из бесед Клавдии Леонтьевны с Пармоном Кулдашевым, 1925 г.р., жителем кишлака Араб-Хона Каршинского района, считавшим себя таджик-арабом. Описываемая беседа состоялась в 1956 г.

Пармон знает двух ата — Кулдаш (отец) и Юлдаш (дед). Отец и дед родились в этом кишлаке и говорили по-таджикски. В названиях предметов употребляют наряду с таджикскими и узбекские термины.

Старики рассказывают, что 300—400 лет тому назад арабы сюда пришли из Афганистана, что были переселены будто бы при Тимуре. Арабы на узбечках не женились и своих дочерей за узбеков не отдавали, чтобы сохранить род, сохранить чистоту крови и родство. По словам Пармона, в Араб-хона 4 группы (рода) арабов, родственных между собой (они считаются родственниками). К ним относятся: 1. Ходжа Мубарал, 2. Гаухар (Гавхур), 3. Кара бавак, 4. Хулу (хуллук). Отцом арабов, первым пришедшим из арабистана, по рассказам стариков, считается Хаймочи.

Раньше арабы были скотоводами и занимались разведением каракулевых овец. В каждом хозяйстве было от 500 до 1000 овец, от 2 до 10 верблюдов, одна-две лошади, ишаки и немного коз. Коров не имели. Зимой и лето жили в юрте — хона, кара-уй. При перекочевках на джайлау и обратно в кишлак (на зимовку) имущество перевозили на верблюдах, лошадях и ишаках. Для перевозки одной кара-уй нужен был один верблюд. Лет 200 назад на зимовках в кишлаке постепенно стали делать зимние дома. Только лет 10 назад перестали делать юрту и жить в ней. Скот пасся круглый год. Зимой он находился на зимних пастбищах вокруг кишлака, с наступлением весны на весну и лето он перегоняется на джайлау в степь, где для водопоя скота имелись колодцы, и осенью — ближе к зимовью в Конгур-тау на осеннее пастбище Сары-Чаго, где также были колодцы. В настоящее время арабы уже занимаются и земледелием, и скотоводством, их кишлак входит в колхоз им. Маленкова.

Семья Пармона Юлдашева большая, состоит из 3-х женатых братьев, ведущих неразделенное хозяйство. Семья состоит из 17 человек и возглавляется 70-летней матерью; старшим в семье из мужчин является старший брат. Усадьбы всех трех братьев расположены в один ряд, смежные между собой, а через проход в глинобитных стенах происходит непосредственное и повседневное общение между членами этой большой семьи.

Планировка усадеб и характер хозяйственных построек еще имеет облик, свидетельствующий о большом значении скотоводства в недалеком прошлом, да и в настоящее время еще занимающем большое место в хозяйственной деятельности арабов. До сих пор женщины занимаются обработкой шерсти — из нее прядут пряжу, и на традиционном стане **дукон** ткнут безворсовые, со своеобразным орнаментом ковры (паласы) — **араби-гилям**, всевозможные торбы — **нон-хальта**, **ойна-хальта** и **зур**, а также тканые шерстяные скатерти с кистями на концах — **туй-дастархан**. Не только в кишлаке Араб-хона, но и в других арабских кишлаках Камашы, Джейнау **араби гилям**ы делают для продажи на базарах. Вместе с тем такие **гилям**ы изготавливают сейчас и в артелях (Архив МАЭ РАН. Ф. 26. Оп. 1. № 31. Л. 32).

Как можно заметить, даже небольшой фрагмент дает достаточное количество информации о приходе арабов в Мавераннахр, особенностях проживания большой неразделенной семьей и о традиционных занятиях арабов, на которых держится их хозяйственная деятельность в целом.

Описание некоторых технологических моментов традиционного ковроткачества арабов встречается в полевых записях К.Л. Задыхиной, сделанных в 1960 г. в кишлаке Камашы Бешкентского района. Исследовательница приводит целый ряд текстильных терминов и дает доскональное описание процесса подготовки ткацкого станка к работе и наматывания основы.

Мотают так:

Основные поперечные жерди закрепляют на вертикальных кольях с одной стороны и другой конец закрепляют в стене. В левом верхнем углу под жердью сделана небольшая яма, чтобы продевать нитку было удобно; такая же ямка сделана под нижней жердью в левом углу. (Нижняя жердь — отсюда начинают работать ткачихи.) Садятся по женщине у верхней и нижней жерди. Женщина у верхней жерди у правого угла привязывает первую нитку, и мальчик или девочка несет клубок к женщине у нижней жерди. Женщина у нижней жерди продевает под низ жерди клубок и перекидывает его через жердь. Мальчик несет его женщине к верхней жерди. В это время женщина нижней жерди переносит перехват в правый угол. И т.д., пока не намотают всю основу. Потом замазывают глиной нижнюю жердь с натянутой основой, чтобы крепче держалась, не сбивалась и не скользила. Нить основы натягивают мокрую. Потом когда основа натянута восьмеркой, то происходит закрепление верхнего ряда ниток основы до перекреста от нижней жерди. Для этого берется длинная палка — **гуля-чоп**. На нее подвязывают вдоль две крепкие нитки — **хемор**. Натягивают очень крепко и начинают делать нитченки. Берут нитку, сначала завязывают узел и закрепляют нитку. Затем захватывают ниткой с левой стороны верхнюю основу и подпускают нить под нее и под палку, и с другой стороны поднимают нитку вверх, пропускают петлю из нитки под **хемором** с помощью пальца, а сверху в петлю протягивают всю нитку, получается узел <...> И так постепенно укрепляют петлей весь верхний ряд ниток основы. Затем в верхнем переплете всовывают разделитель (палки, 3 подряд, одна за другой) и приближают к **гуля-чоп**. Получается, что бывшие верхние нитки сделались нижними, а нижние — верхними, причем нижние петли укреплены нитченками. Затем поднимают среднюю палку с **гуля** с помощью кирпичей — **сартама**. После этого начинают ткать. Первой пропускают толстую нитку **гилям хемор**. И ее привязывают на конце к нижней жерди. Ткнут один раз, перебирая пальцами и пропуская нитку утка попеременно то по верхней, то по нижней нити основы

(простое переплетение). Второй ряд пропускают нитку основы только между нижним и верхним рядами нити основы. Узор получается от различных цветов и т.п. ниток утка.

Мих (или **хемор**) закрепляют во время ткачества по сторонам уже у края сотканного ковра, чтобы он не сузился. **Мих** имеется с двух сторон. Втыкается кол (маленький), к нему веревки привязывают (?) с большой иглой, и иглу сверху втыкают в ковер, а на конец внизу прикрепляют петлю. Так же с другой стороны.

Около 9–10 дней нужно, чтобы сделать ковер.

Когда переплетут продольную нитку, то ее прибавают, чтобы плотнее держалась.

Делают ковер в специальной **гилям-хона**.

Когда переплетают нитку, делают это правой рукой в левую сторону, а когда просто пропускают, то делают левой рукой в правую сторону. Когда длинную нить продевают, то обеими руками всеми пальцами работают.

При тканье узоров ткнут постепенно, заранее рассчитывая нить.

Каждый узор будущего **гиляма** ткнут частями, по заранее рассчитанному числу ниток основы нитками утка разного цвета, длина которых также рассчитана в соответствии с необходимым количеством их для того, чтобы выткать узор. Работу могут делать одновременно до 3–4–5 человек в зависимости от ширины ковра (Архив МАЭ РАН. Ф. 26. Оп. 1. № 40. Л. 1–5).

Полевые записи Ф.Д. Люшкевич, сделанные ею в 1976–1977 гг. во время работы в составе Бухарского отряда Среднеазиатской этнографической экспедиции, дают нам определенное представление о похоронно-поминальных обрядах арабов Средней Азии, об одежде, в которой хоронили умерших, поминальных трапезах (Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 1239, 1241). Так, в дневниках Ф.Д. Люшкевич содержится информация о том, что у арабов *мурдашуев* (обмывателей покойников) не было. Умерших обмывали близкие друзья и родственники (только не родители и не дети) (см.: Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 1240. Л. 12, 9). Кроме информации о похоронной обрядности среднеазиатских арабов в одном из полевых дневников Ф.Д. Люшкевич содержится составленный ею небольшой таджикско-арабский словник (Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 1239. Л. 20–21).

В 2007 г. в архив Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН были сданы полевые материалы автора. Большое внимание в них уделено современному состоянию традиционных занятий среднеазиатских арабов — овцеводству, ковроделию и хлопководству (Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 1822–1824). На основании этих материалов и материалов предшественников мы можем сегодня составить более глубокое представление об основных жизнеобеспечивающих занятиях арабов Средней Азии, которые сохранились до наших дней.

Подводя итог обзору иллюстративных и архивных собраний МАЭ РАН, содержащих материалы, посвященные культуре среднеазиатских арабов, можно сказать, что почти за столетие изучения интересующей нас этнической группы в коллекции музея попали уникальные материалы, которые являются прекрасными источниками для работы историков, этнографов и арабистов. На основе описанных материалов можно воссоздать картину традиционного жизненного уклада арабов, пришедших в бассейн Кашкадары в XVI в.

Библиография

Кармышева Б.Х. Среднеазиатские арабы // Народы Средней Азии и Казахстана. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 582–596. (Народы мира. Т. II).

Мошкова В.Г. Ковры народов Средней Азии. Ташкент: Фан, 1970.

Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии конца XIX — начала XX века (из собраний МАЭ РАН) // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. СПб.: Наука, 2006. С. 174–225. (Сб. МАЭ. Т. LI).

Троицкая А.Л. Из отчета о командировке 1936 г. в национальные районы среднеазиатских республик // СЭ. 1937. № 4. С. 137–149.

ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ АРАБОК: «СВОЕ» ИЛИ «ЧУЖОЕ»?

В состав традиционного костюма народов Средней Азии в конце XIX — начале XX в. входил обязательный комплекс ювелирных украшений, который так же, как и одежда, отражал этническое своеобразие и позволял проследить культурные связи и взаимные влияния соседствующих народов.

Арабские женщины и девушки всех слоев общества также издавна носили большое количество ювелирных украшений. И хотя сейчас старинные украшения практически вышли из употребления, во многих домах арабского кишлака Джейнау (Узбекистан) бережно хранятся части комплектов традиционных женских украшений.

В старинный комплекс украшений входили головное украшение *синсила* с височными подвесками *чакка-дуо*, налобная повязка *хатабак*, носовые серьги, различные амулетницы, ожерелья, браслеты, наkosные украшения и кольца.

Синсила (*синсиля*, *синселя*, *силсила*) — украшение, состоящее из трех-четырёх рядов подвижно соединённых между собой с помощью цепочек или колечек мелких розеток. Изготавливали *синсила* чаще всего из серебра. Оно входило в состав украшений, которые семья жениха готовила в подарок невесте к свадьбе. У центральноазиатских арабов *синсила* являлось главной частью комплекта украшений молодой женщины. Впервые надевавшееся на невесту в дни свадьбы, в дальнейшем это украшение использовалось по праздникам. Надевалось *синсила* поверх сложного головного убора, состоящего из *бухнука* (шапочки с наkosником) и платка. Украшение охватывало всю голову и сзади прикреплялось крючками к платку. Сверху женщина накидывала ещё один нарядный платок. Иногда под *синсила* надевали *хатабак* — налобную повязку, сшитую из плюша двух цветов и украшенную фигурками и многочисленными подвесками из серебра (Исмаилов 1979: 237).

Арабы Джейнау считают украшение *синсила* исконно арабским, однако подобные украшения носили и женщины других народов Средней Азии. *Синсила* как подтип диадемы «в разных вариантах был распространён у полукочевого населения: казахов, киргизов, полукочевых узбеков и туркмен» (Борозна 1974: 35). Присутствовало *синсила* в комплекте украшений женщин-дурменок, бытовало у локайцев, кунгратов и карлуков (Борозна 1966: 114). Л.А. Чвырь представляет очень похожее южнотаджикское украшение, имеющее, кроме *синсила*,

и другие названия (*сараки, касаб*) (Чвыр 1977: 19). Для нас же большой интерес представляет мнение Д.А. Фахретдиновой об этом украшении, предлагающей в качестве правильного названия термин *силсила*, что означает «цепочка» (араб.). Термин же *синсила* переводу не подлежит и является искаженным.

Проведя доскональное исследование данного украшения, Д.А. Фахретдинова пришла к выводу, что еще в XIX в. оно представляло собой трехчастный комплекс, состоявший из налобной, височной и подбородочной частей. Налобную часть, которая накладывалась на надетый на голову головной убор (*сала, касаб, пешонобонд*), предварительно нашивали на широкую полосу цветного бархата или вышитой ткани (Фахретдинова 1988: 108). Некогда украшение *касаб* бытовало и у арабов кишлака Джейнау. Судя по всему, этому украшению придавалось важное символическое значение в свадебной обрядности. Даже праздник обрядового убирания постели молодоженов и надевания на новобрачную женского платья назывался *касабандон*. Х. Исмаилов в своей работе упоминает головной убор *касаб* как головной убор молодухи, но сомневается в том, что он собой представлял — какое-либо изделие из ткани или металлическое украшение (Исмаилов 1979: 236). И.Н. Винников, работавший в Джейнау почти за сорок лет до выхода в свет работы Х. Исмаилова, объясняет термин *касаб* как «женское головное украшение из серебра, имеющее вид обруча шириной около 7 см» (ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 553). Исходя из этого можно предположить, что некогда под *синсила* на голову женщины надевалось еще одно серебряное, скорее всего жесткое, украшение, вероятно, придававшее женскому убору более четкую форму.

Д.А. Фахретдинова предлагает обратить внимание и на второе очень интересное толкование слова *силсила* — «династия», «родословная», что само по себе уже раскрывает нам символический смысл украшения, надеваемого на новобрачную в свадебные дни (Фахретдинова 1988: 108).

Неотъемлемой частью *синсила* у среднеазиатских арабов являются парные височные подвески *чакка-дуо*. *Чакка-дуо*, так же как и *синсила*, были серебряные. В длину они достигали 40 см, в ширину — около 8 см. Каждое украшение состояло из двух-четырёх фигурных пластин. С помощью цепочек пластины соединялись между собой в единую полосу. Концы цепочек украшались штампованными бляшками и бубенцами. Украшение прикреплялось к *синсила* чуть выше виска и спускалось вдоль ушей, щек и шеи на грудь женщины. Бубенцы, вероятно, выполняли охранную функцию.

Интересным украшением арабских женщин является носовое кольцо. Само название кольца раскрывает его происхождение. Согласно мнению местных жительниц, именно *арабек (аравак, измам, натти)* отличает их от представительниц других народов Средней Азии. Кольцо по форме напоминает лук и украшено бусинами. Самая большая зе-

леная или синяя бусина называется *латва таи* («предохраняющий камень»), что поясняет назначение кольца. Традиция ношения носового кольца в перегородке носа сохранилась у арабов Джейнау до наших дней, а еще в середине XX в. молодые девушки в Джейнау носили носовые украшения не только в носовой перегородке, но и в левом крыле носа (Кармышева 1963: 592–594).

При анализе литературы, в которой упоминаются носовые украшения, и попытке определения ареала их распространения в Центральной и Юго-Западной Азии, автор столкнулся с интересным фактом: многие исследователи отмечают ношение носовых серег. Практически каждый из них приписывал ношение данного украшения только исследуемым им народам, но не говорил о широком распространении данного украшения. Так, Л.А. Чвырь отмечает, что «носовые серьги в XIX веке бытовали почти у всех территориальных групп таджиков» (Чвырь 1977: 25). Н.Г. Борозна пишет, что носовые серьги «встречались у туркмен, узбеков даштикипчацкого происхождения, некоторых оседлых таджиков, казахов и каракалпаков» (Борозна 1974: 40).

Из литературы по странам Ближнего Востока видно, что носовые украшения носили бедуинки и крестьянки Саудовской Аравии (преимущественно в правом или левом крыле носа) (Першиц 1957: 407), Ирака (носовые броши и большие носовые кольца, иногда доходящие до подбородка) (Данциг 1957: 525) и женщины Афганистана (Асланов 1957: 90).

Достаточно часто встречается описываемое украшение в Индии. Его носили и раджастанские, и панджабские, и гуджаратские женщины, и жительницы штатов Уттар Прадеш и Химачал Прадеш.

Из анализа имеющейся литературы можно сделать вывод о том, что к рубежу XV–XVI вв. женщины арабского племени, переселенного в Мавераннахр, заимствовали у жительниц северо-западных областей Индостана и Афганистана обычай вдевания кольца-оберега не только в крыло носа, как это было принято прежде, но и в носовую перегородку. Они принесли этот обычай в Центральную Азию, где он до того не встречался. В Мавераннахре, как явление уникальное, этот тип носового украшения стал этноразличительным признаком арабов. Представительницы других среднеазиатских этнических групп восприняли этот тип носового украшения как моду, и оно распространилось среди туркмен, узбеков, некоторых оседлых таджиков и каракалпаков. К XX в. эта мода совершенно прошла, что не отразилось на традиции ношения данного украшения в арабской среде.

В праздничный комплект украшений арабской женщины входила и цепочка носовой серьги (*измам канара, зимом конара, чет натти, чекка натти*). Это достаточно массивное украшение. Хранящаяся в РЭМе цепочка имеет длину 18,7 см (колл. № 10370-38). Звенья цепочки выполнены из двойной проволоки. К цепочке прикреплены 15 листовидных штампованных бляшек. На одном конце цепочки —

звено без подвески для соединения с носовым кольцом. На другом конце — кованый крючок, которым цепочка закреплялась на височной подвеске *чакка-дуо* и цеплялась прямо за выпущенную вперед косу. Такие цепочки с полным набором украшений носили до рождения трех-четырех детей.

Что касается ушных серег, то еще в начале XX в. арабки их не носили совсем (Исмаилов 1979: 236). Однако с течением времени они научились и привыкли носить серьги. В 1981 г. Б.З. Гамбург привез в РЭМ из Джейнау пару серег (колл. № 10370-32/1–2), распространенных у групп полукочевых узбеков, проживавших в контакте с арабами на территории Каршинского бекства. Это крючковые стержневые серьги длиной 7,5 см, изготовленные из серебра. Подобные серьги делали в Бухарском ханстве. В Сурхандарье их называли *козик-исирга* («серьги-колышки») (Фахретдинова 1988: 122). Сегодня арабские женщины Джейнау с удовольствием носят крупные золотые серьги фабричного производства, украшенные крупными полудрагоценными камнями.

Нагрудные украшения у среднеазиатских арабок представлены амулетницами (*базибан*, *бозбанд*), ожерельями и подвесками *хакик* (*акик*).

Базибан представляет собой полую металлическую трубочку с полусферическими крышками, одна из которых съёмная. Амулетницы украшались сканью, стеклами и полудрагоценными камнями, чаще всего сердоликом. К одной из сторон припаивались петли для подвешивания украшения на тесьму или пришивания к одежде. Внутри *базибана* помещали лист бумаги с молитвой, фрагменты текста Корана, но и даже пустое украшение уже имело обережный смысл.

Подобные амулетницы были широко распространены в мусульманском мире как среди оседлого населения, так и среди кочевников-бедуинов и имеют длительную историю. Они были известны в Персии уже во II–III вв. н.э., имели охранительный характер и обычно подвешивались к ожерельям как центральный медальон. С распространением ислама в амулетницы начали вкладывать листки бумаги с записанными на них строками из Корана. При этом наружный дизайн амулетниц начал упрощаться, так как считалось, что орнамент не всегда уместен для коранического амулета (Ross 1989: 58).

Л.А. Чவர்ь пишет о *бозбандах* как об очень популярных украшениях таджиков и узбеков в конце XIX — первой трети XX в. Их носили на груди: по одному и парами, подвешенными на цепочке и в составе бус, через плечо, под мышкой или в качестве наплечного украшения (Чவர்ь 1977: 30).

Наравне с амулетницами, арабские женщины носили подвески-украшения *хакик* (*акик*). Имеющаяся в РЭМе подобная подвеска (колл. № 10370-27) представляет собой полую металлическую коробочку, открытую с одной стороны. На крышке коробочки имеются две петли для пришивания подвески к одежде. В нижней части украше-

ния — красная пластмассовая пластинка с имитацией надписи арабским шрифтом. В данном экземпляре подвески пластмассовая пластинка заменяет традиционный для таких подвесок сердолик и сохраняет его название — *хакик* (*акик*). Подобные пластины изготовлялись в Афганистане и имели широкое распространение в арабских украшениях. Кроме *акик* иногда их также называли *базибан*, *бозубанд*, придавая им обережный смысл. Зачастую на сердоликах изображали мусульманский символ звезды и полумесяца (см.: Фахретдинова 1988: 149). Арабские женщины рассматриваемого региона иногда использовали такой амулет в качестве подвески в центре подбородочного валика *бухнука*.

Пользовались популярностью среди арабов Джейнау и коралловые ожерелья *маржон* (*марджон*). Имеющийся в нашем распоряжении экземпляр (колл. № 10370-41, РЭМ) состоит из трех рядов нитей, на которые нанизаны коралловые бусины, пластмассовые пронизки и стеклянные бусины. Украшено ожерелье серебряными монетами (*таньга*). Основным материалом ожерелья — кораллы — считался надежным оберегом от зла и болезней: помогал при бесплодии, употреблялся при лечении кровотечений, сердцебиений и нервных заболеваний (Семенов 1912: 310).

Такие ожерелья были традиционными для Средней Азии и имеют аналогии как среди южнотаджикских украшений, так и среди узбекских. Л.А. Чவர்ь дает описание нашейного украшения *рохти мугра*, состоящего из нескольких ниток коралловых бусин с круглыми медальонами. Такие украшения зафиксированы на юге Таджикистана, в Каратегине и Кулябе (Чவர்ь 1977: 29).

Накосные украшения жительницы Джейнау не всегда использовали по назначению — в некоторых случаях они нашивались на одежду. Б.З. Гамбург привез в РЭМ такое парное украшение — *карказа* (колл. № 10370-31/1-2). Оно представляет собой две серебряные позолоченные трубочки с тремя кольцевыми поясками на концах и по середине. Украшение-трубочка закреплялось на пропущенном через нее локоне ниже уха. Аналогичное украшение под названием *найча* описывает Л.А. Чவர்ь и отмечает, что оно широко бытовало в таджикско-узбекской городской среде Самарканда, Ура-Тюбе, Ходжента и Ташкента (Чவர்ь 1977: 22).

Непосредственно для украшения волос арабские девушки и женщины использовали серебряные, обмотанные шелком накосные украшения, называвшихся в Джейнау *чалмур* (Исмаилов 1979: 236). Такое украшение, под названием *джамоляк*, бытовало главным образом у южных таджиков и соседствовавших с ними узбеков (в прошлом кочевых и полукочевых). Оно было разновидностью накосных украшений в форме кистей, сделанным из разноцветных шелковых шнуров, иногда почти сплошь обшитых разноцветным бисером (Чவர்ь 1977: 22).

Очень распространенными украшениями арабских женщин были парные ручные пластинчатые несомкнутые браслеты *даствона*. В МАЭ РАН под колл. № 7304-57(а, б) хранятся медные посеребренные браслеты. Они являются копией старинных. На них напаяны продольные выпуклые полосы, между которыми методом гравировки нанесен растительный орнамент. Края браслетов оформлены в виде стилизованных змеиных головок (по три с каждой стороны). Браслеты такого типа были широко распространены по всему Таджикистану и Узбекистану. Змеиные головки на краях браслетов говорят о древнем происхождении данной формы браслетов и их глубоком ритуально-магическом значении. Именно подобные браслеты сохранились до наших дней. Во многих семьях кишлака хранятся оставшиеся по наследству от старших родственниц такие браслеты, а пожилые женщины зачастую еще и продолжают их носить.

Также распространены были у арабов и кольца. Они были в числе обязательных женских украшений. Обычно их украшали вставками из синего или зеленого стекла. Кольца эти изготавливали из серебра, но иногда они были и золотые. В 2005 г. для МАЭ РАН в Джейнау было приобретено такое кольцо из белого металла со вставкой темного цвета (предположительно из сердолика) (колл. № 7304-56). Аналогичные кольца носили и представительницы окружающего иноэтничного населения. Сегодня жительницы Джейнау предпочитают золотые кольца фабричного изготовления, украшенные драгоценными и полудрагоценными камнями. Причем необходимо заметить, что эти украшения довольно массивны. Конечно же, они призваны показать достаток семьи владелицы.

На основе изложенного материала трудно сделать вывод об изначальной этнической принадлежности описанных ювелирных украшений. Многие заимствованные украшения арабы за долгие годы использования уже считают своими, исконно арабскими. На протяжении сотен лет проживания в иноэтничном окружении среднеазиатские арабы многое переняли у окружающего оседлого населения, что можно объяснить и тем, что основная часть украшений производилась в крупных городских и сельских центрах.

Библиография

Асланов М.Г. Народы Афганистана // Народы мира. М., 1957. Т. Народы Передней Азии. С. 56–106.

Борозна Н.Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана // Материальная культура Народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966. С. 91–120.

Борозна Н.Г. Виды женских ювелирных украшений у народов Средней Азии и Казахстана // СЭ. 1974. № 1. С. 32–44.

Данциг Б.М. Арабы Ирака // Народы мира. М., 1957. Т. Народы Передней Азии. С. 506–533.

Исмаилов Х. Традиционная одежда арабов Кашкадарьинской области Узбекской ССР // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 228–238.

Кармышева Б.Х. Среднеазиатские арабы // Народы мира. М., 1963. Т. Народы Средней Азии и Казахстана. С. 582–595.

Перишц А.И. Арабы Саудовской Аравии // Народы мира. М., 1957. Т. Народы Передней Азии. С. 383–416.

Семенов А.А. Воззрения мусульман на значение благородных камней и минералов // Мир ислама. Т. 1. № 1. СПб., 1912. С. 293–321.

Фахретдинова Д.А. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент. 1988.

Чвырь Л.А. Таджикские ювелирные украшения. М., 1977.

Ross H.C. The art of Bedouin Jewellery (a Saudi Arabian profile). Monteux, Switzerland, 1989.

Л.М. Гарсаев

ЖЕНСКИЕ УКРАШЕНИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)

С древнейших времен в народном быту украшения употребляются вместе с одеждой. В изучаемое время центром приобретения украшений чеченцами был г. Грозный. Ремесленное же производство украшений было развито в Урус-Мартане, Шали, Атаги, Ведено и др. Украшения различались по способу ношения: на шее, на груди, на талии, на руках, и в ушах. Украшения всех видов носили как девушки, так и невесты. После замужества количество украшений, как правило, уменьшалось. Нагрудные украшения чеченцы называют *туьдаргаиш*, ингуши — *дато*, кистины — *туьйдаргаиш*. Их изготавливали мастера с тонким художественным вкусом в основном из серебра. Нагрудны украшения представляли собою клинообразные металлические пластинки, которые располагались на груди сложным клинообразным рядом, конец которого доходил до пояса. Встречаются украшения с более широкими пряжками, которые называют *гуьржи туйдаргаиш* — «грузинское украшение». Оно состоит из 8–10 парных пряжек с изображением оригинального орнамента.

Следующее украшение — пояс (чеч. *дoьккa*, инг. *тlиeхкaр*, кист. *тlиeхкy*). Имели распространение «грузинский пояс» — *гуьржи*